

Эмману-эль, не Иммануил. (Отношение некоторых русских философов к Канту)

Егорова Лилия Викторовна

аспирант

Казанский государственный университет, экономический факультет, г. Казань, Россия
beskogi@mail.ru

Какое счастье родиться в России на рубеже XX-XXI веков и благодаря этому иметь доступ к не так давно "открытым" многими сокровищам русской философии, которую творили люди, жившие за сто лет до нас. Если мы обратимся к философским и особенно автобиографическим сочинениям отечественных мыслителей, живших на рубеже XIX - XX веков, то перед нами возникнет картина насыщенной интеллектуальной жизни того времени: многочисленные философские, религиозные, научные общества, журналы, живая полемика, смелая самостоятельная мысль, не боящаяся исходя из внутреннего опыта человека и его наблюдения за миром вынести оценку творениям признанных авторитетов - представителей западной философии.

Можно проиллюстрировать критическое отношение русских мыслителей к западной философии на примере их суждений об учении Иммануила Канта.

П.А.Флоренский (1882-1937) перед защитой диссертации произнес речь, в которой, в частности, говорилось: "вспомним тот "Столп Злобы Богопротивная", на котором почивает антирелигиозная мысль нашего времени и оттолкнуться от которого ей необходимо, чтобы утвердиться на "Столпе Истины". Конечно, вы догадываетесь, что имеется в виду Кант. ... Последней опорой у Канта является факт науки или, точнее, математического естествознания.... Наши рассуждения начинаются с той точки, на которой кончает Кант... Разум жаждет спасения, т.е., другими словами, он погибает в своей сущей форме, в форме рассудка."¹

В.Ф.Эрн(1881-1915), одаренный мыслитель, проживший менее 35 лет, также вступал в непримиримую полемику с "западным" способом мышления, а именно с рационализмом. "Для того, чтоб пронести святыни логизма [логизм - способ мышления, укорененный в бытии, который Эрн противопоставляет рационализму.- Л.Е.] сквозь строй современного мышления, нужна борьба не на жизнь, а на смерть, нужно оружие стальной, неумолимо отточенной логики... Но я думаю, чуткое ухо сквозь ожесточение "логической" борьбы расслышит и иные мотивы моего философствования: мою веру и мою любовь."²

В сборнике статей В.Ф.Эрна "Борьба за Логос" автор пишет о современном ему явлении - американской философии прагматизма, изящно и глубоко критикуя ее. Обращаясь к истории философии, он по своему переосмысливает философское наследие. О многих прочтенных Владимиром Францевичем томах говорит, например, такой небольшой отрывок: "меонический миф о природе, который был начат Бэконом и Декартом, развит в целую систему Беркли, дополнен Юмом и с необыкновенной силой по-новому пересказан Кантом [меонический - производное от греческого "me on", небытие - Л.Е.]". Дорогого стоит и меткое замечание о том, что стоит говорить не о коперниканском перевороте Канта в мысли (что уже стало общим местом в курсах лекций по философии), а скорее о... "птолемеевском подвиге Канта" (ведь если Коперник показал, что наша планета - отнюдь не центр вселенной, то по теории Канта познаваемый мир как раз "вращается" вокруг человека, а это ближе к птолемеевскому геоцентризму, чем коперниканскому гелиоцентризму)

В смелой статье "От Канта к Крупшу" В.Ф. Эрн проводит связь между меонизмом и развившимся от него милитаризмом: от отрицания окружающего бытия к его уничтожению.

Также, откликаясь на революционные настроения и размышляя о них, Эрн отмечал, что кантовская идея свободы неспособна заполнить реальным смыслом освобождение, совершающееся во времени и пространстве. Ведь свобода у Канта трактуется исключительно как внутренняя, а значит, согласно немецкому мыслителю, мы

свободны в любых обстоятельствах, и сам термин "освобождение" теряет смысл. Поэтому позитивизму и материализму, сопровождавшему революционно настроенных мыслителей, идеализм кантовского "направления" противостоять не может. Противостоять им может, по мнению Эрна, христианское понимание человека и истории. (Владимир Францевич обыгрывает созвучие имени Канта - Иммануил и библейское Эммануэль, означающее "с нами Бог")

Еще одним мыслителем, осознававшим огромную силу идей, подчас разрушительное их влияние, был Л.И Шестов(1866-1938). Это осознание с удивительной образностью выражено в книге "Афины и Иерусалим", в такой, к примеру, фразе: "От копеечной свечи Москва сгорела, а Распутин и Ленин - тоже копеечные свечи - спалили всю Россию".

Лев Исаакович также считал не вполне адекватным преклонение перед авторитетом Канта; по его мнению, "водораздел", который принято проводить между Кантом и предшественниками, является мнимым, и Кант - не меньший догматик, чем Бэкон или Декарт. При чтении трудов немецкого философа у Шестова возникло ощущение, что Кант словно загнипнотизирован Ananke, Необходимостью, и гипнотизирует читателя.

"Критика чистого разума" - одна из наиболее известных работ Канта. Однако Шестов говорит, что истинная "критика чистого разума" содержится в произведениях Достоевского, а также упоминает о "библейской онтической критике разума": "а от дерева познания добра и зла, не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь"[Бытие 2, 17]. Упоминание Достоевского и тем более Библии говорит о том, что критика разума совершается с позиций веры, провиденциализма. Кант же как раз протестовал против Deus ex machina, который может в любой момент вмешаться в ход событий и выбить человека из колеи, проложенной научным, неоспоримым и надежным знанием. Он говорил, что любые самые нелепые аргументы лучше, чем ссылка на сверхъестественное. Мыслителям, жившим в России, где религия прочнее вплелась в жизнь людей, где почти "на каждом шагу" были храмы, монастыри и скиты, где молитва и чудо стали неотъемлемой составляющей жизни, кантовское отношение к сверхъестественному было чуждо.

Лев Исаакович анализирует и работы Гегеля, который не уступал Канту в недоверчивом отношении к сверхъестественному, высказывая, к примеру, мысль о том, что чудо есть насилие над духом. Рассматривая же библейскую историю о змее-искусителе, Гегель приходит к выводу, что змей не обманул людей: мы действительно познаем мир, "добро и зло"(выражение, на иврите означающее "все на свете"), мы стали как боги. Шестов из этих слов делает вполне логичный вывод: в выборе между исполнением заповеди и заманчивым предложением змея европейский человек пойдет за змеем.

Русские философы нечасто претендовали на создание законченных непротиворечивых концепций, описывающих мир и человека. Многим из них было свойственно чувство тайны, чуда, лежащего в основе мира. Свое право ощущать таинственность, необъяснимость мира они отстаивали, яростно сражаясь против рациональных теорий, созданных другими, чаще всего их западными коллегами и предшественниками. Своим примером они показывают, что для России возможен совершенно особый путь: на уровне мысли быть не "комментатором" Европы, а самостоятельным субъектом.

¹ -Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. -М., 1990, с.820

² - Эрн В.Ф. Борьба за Логос.// ЭрнВ.Ф. Сочинения -М., 1991, с.12